

A photograph of a city street at sunset. The street is paved with tram tracks in the center. On the left, a vertical sign reads 'GRAND CAFE'. The sky is a mix of blue and orange, with a bright sun low on the horizon. People and a car are visible in the distance. The overall mood is warm and golden.

Борис
Михин

Справочник
городских
рассветов

Борис Михин Справочник городских рассветов

Текст предоставлен издательством

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=21556140

Справочник городских рассветов: Литературная Республика; Москва;

2016

ISBN 978-5-7949-0564-9

Аннотация

Вашему вниманию представляется сборник стихов Бориса Михина.

Содержание

Это	9
Последний в последнем	10
та-ДА-дам, та-ДА-дам	11
Я и есть	12
Тюльпаны	13
Лишнее	14
Незадача	15
Решение	16
Шариковая ручка	19
Куда?	21
Вне схем	23
Кружева	24
Тюль	25
Чёрт побери	26
Аве	27
Вообще-то	29
Флуктуации и смысл	31
Незаменимый	32
В спичечном коробке	33
Не так	34
Диванчик	35
Сигарет	36
Имея право	37

Отдать	38
Братишка	39
Разные ритмы одного	40
Категории и Ничьё	42
Предопределённость	43
Новое небо	44
Флажолеты	45
Очевидное неочевидное	46
В сухом остатке	47
В центр	48
Неуправляемое	49
Китель	50
Точно?	51
Неявная причина	52
Без света	53
Долг	54
Наше	56
Простая алгебра	57
Тишина	58
Пусть спят	59
Бейсболка	61
Горькое	62
Нефэнтези	63
В фан-зоне	64
Хватит	66
Онтологическая проблема памяти	67

Большой брат	68
Отказ от прав	70
Сделайте	71
Перекресток	72
Конечная у тюрьмы	73
Печень	74
Пастор	75
О повреждённом кластере	77
Реверберации	79
Внутри и снаружи	80
Пещера	81
До весны	82
О любителях навешивать ярлыки	83
Лузер и мир	84
Чай и война	85
Канун свободы	86
Судьба запевал	87
Не по клеткам	88
Незаметности	89
Шариком	90
Искры	91
Неговоримое	92
Мёд и просто так	93
«Недо»	94
На косе	95
Мы правы	96

Искать и не терпеть	97
По старой	98
Апертурный угол и свет	99
Материал	100
Кино	102
Бег умного кролика	103
О месте	104
Безголосень	105
Скорлупки	106
Дольник и дураки	107
Время-люди	108
Посерёдке	109
Самоосознание	111
Между рельсами	113
Не с трибуны	114
Страшнее войны	116
Женщина и будущее	117
Проводы	118
Пикник = mc^2	119
Сами	120
Дама	121
Шар	122
Закругляшки	123
Не звонили	124
Как-то...	125
Скрип	126

Родственник	127
Ноггог	128
Фундамент	130
Снаряды	131
Не просто так	132
Возлюбить врага	133
Похолодало	134
Из-под полы	135
Эпизод на улице	136
Руки	137
Прощать	138
До и пусть	140
Штабные войны	142
История и сатори	143
Неизбежность	144
Время воскрешать	146
Холодно	148
Сто тысяч до и после	149
Не щенячье	151
В нашей власти	152
Классификация	153
Конец ознакомительного фрагмента.	154

Борис Михин

Справочник

городских рассветов

© Михин Б, 2016

© Московская городская организация Союза писателей
России

© НП «Литературная Республика»

* * *

*Существование – не ноша,
а два – не факт, что только два.
Так что?
Слоны на тонких ножках
имеют право не бывать.*

Это

Это не ноябрь, а хватит.
Деликатный, словно тумба,
безвремением в обхвате,
всё забуду, всё забуду.

Это не пора, а вера,
краеугой и посконной,
и, ударившись о ветер,
никогда уже не вспомню.

Это не хочу, а плохо,
и светимость силой тэта;
равноудалённым охал:
«Что же это? Что же это?»

Последний в последнем

Гулял по вагону сквозняк,
и было отчаянно пусто,
как будто за поезд казнят,
как будто маршрут чёрт запутал.

В последнем вечернем метро
в последнем вагоне последний
сидел пассажир, словно с лета
забытое в поле ведро.

Он был бы не против совсем
и не выходить на конечной,
увы, иногда это легче,
чем...

Поезд, немного просев,
встал возле перрона.

Скажи,
читатель, так что пассажир мой?
Ушёл?

А я знаю (за ширмой
реальности рядом кружил).

та-ДА-дам, та-ДА-дам

Шуршали колёса...

Прощаются после попыток повтора. Попы так гуторят, нас разубеждая, чтоб сразу не ждали прощений, сажая по шею нас в жалость. И так, о дороге: поддакивал строгий попутчик, июльский злой лучик баюкал огромность России... Нескромно спросил я: «За что?» и «Доколе?», ведь тошно на койке... Ответ был не взрослый от ветра: «Колёса не просто шуршали – бороться...»

Я и есть

Не обманутый – просто плевать,
не проигрывающий, не сирий,
не богатый, не из подпевал,
я и есть – Россия.

Собирающийся на войну
после плена,
живущий, как в коме,
с верой в Бога и верой в вину,
я и есть – совковый.

Вижу интеллигентские сны,
лишний Родине незамужней
(ей все смерти вокруг – красны),
я и есть – ненужный.

Тюльпаны

А что – тюльпаны?

Разве не

победа смерти над прекрасным?

И можно состояться разным, —
так не останешься вдвойне.

Вопрос на самом деле – вот:

раз только то, что есть, теряют,
зачем оно?

Нет за дверями,

чем больше есть, тем ничего.

Лишнее

Не пугает наличие лишнего,
а пугает нелишних отсутствие,
я за всех – если б можно – наличными,
да за правое дело нал сузили.

Это просто – лихим в поле посвистом,
это глупо – когда не раздумывать;
не одно понимание совести
доморощенными заратустрами,

хоть убейся, одно будет следствие:
по субботам творожные блинчики
и в твой адрес намёки нелестные.
Не хватает нелишнего.

Незадача

Обращением погибельным
стать на сторону иную,
и пути усталым грифелем
леший грустно разлинует,

и устанут враз сны вещи
в невозможностях окрестных.
Нынешнее – только внешнее,
внутреннее интересней.

Обобщающее в поисках
идеального заплачет, —
это внутреннего происки.
Где – быть?
Вот ведь незадача.

Решение

Непререкаемо пусты
наполненные «современным»,
каким-то гадски карамельным.
И, чем проспект, милей кусты.

Но, так как стороны другой
не хочется, но рок держаться,
то, наблюдатели, не сжальтесь
от мелких нас на фоне гор.

...

Мой друг решил стать не живым,
решение Бог весть какое,
но нынче – каменно спокоен,
не современен.

Как же вы
достали, уходящие,
ведь дураков ругать и не с кем,
пусть вряд ли аргументом веским
настоящее.

И вот теперь, как не сейчас,

мне с другом продолжаться спорить,
ведь буду мертвый, но упорен,
поскольку вижу всё, не часть.

...

мы учились вместе и вместе служили
он стал командиром корабля
мне тоже, вслед за ним, выпал этот же путь, и мы
несколько лет
командовали «парходами» и неплохо выполняли свой
долг
а потом судьба предложила ему изменить жизнь
несколько спустя он погиб от рака
в год, когда это произошло, его кораблю пришло время
быть
списанным
процесс подразумевал, что корабль будет порезан на
металлолом
на каком-то заштатном заводишке вдалеке от места их
совместной службы
факт в том, что когда о смерти стало известно, корабль,
стоявший
уже отдельно от остальных, по до сих пор не
установленным
причинам затонул в затоне в стороне от основного хода,
и сколько ни пытались его поднять со дна, это не удалось
корабль до сих пор там, заиленный, как легенда, как был
и как

правда

он так решил сам

и я ему верю и благодарен за его решение, ведь это важно

– где

нас помнят

...

Спор длится, словно преферанс

по тесноте кают-компаний.

Мы партию с тобою, парень,

не завершили.

Лишних стран

нам посетить не довелось,

за исключением отчизны,

но для решения мужчины

не нужно слов.

...

Не каждому дано решать,

поскольку наследил не каждый.

И лично мне плевать, что скажут

никто, когда пора пришла.

Шариковая ручка

На пересечении двух параллельных
блуждающих улиц бывая не часто,
точней, никогда, но всегда – на «Харлее»,
немного рисуюсь, комично сердчая

на аборигенов чудесных вселенных,
забавных созданий какого-то бога,
а сам раздаю им слова и соленья,
всех гоблинов Двери пытаюсь задобрить;

отличные парни, но вот не пускают,
не то чтобы дальше, а даже обратно.
Фортуна пиарит, такая-сякая,
себя там – моей, но к ней не подобраться.

И есть ощущение: где-то Алиса
поблизости чай пьёт в компании мыши,
и в каждом встречаемых взглядах – больница,
как будто пора седативное в мышцу.

Вы скажете – фэнтези.

Может быть.

Может...

Но только тогда вы мне вот что скажите:

беседуем мы здесь давно, и таможня
и вас и меня не пускает, а жители

блуждающих улиц решительно держат
нас за рукава... так какого же чёрта
мешаете мне фиолетовый стержень
истратить в слова, и сменить его чёрным?!

Куда?

Не смотрите на небо,
ведь в обществе это не модно:
комбинации звёзд не влияют на виды карьер,
на старение папиков, жажду стерв всё иметь в доме...
Только если глядеть вниз, то хочется выкрикнуть:
«Rien!»¹

Не смотрите назад.
Ведь каким бы там всё ни – хорошим,
это лишь репродукция старого,
ленточка «старт».
Глядя на фотографии, можно позавтракать с прошлым.
Но потом-то куда?
Прошлым, помнится, жил Герострат².

Так куда же смотреть?
Не смогу дать вам рекомендаций.
Впереди – путь лежит в никуда³.
Можно было бы – вбок,
но зачем путь по кругу? Вопрос.

¹ Ничего (франц.).

² Спалил храм Артемиды только для того, чтобы его помнили потомки. И ведь помним. А премелкий ведь человек был.

³ «Любой путь ведёт в никуда» – Кастанеда.

Не могу помочь – вкратце.

Но смотреть всё же стоит не бросить.

Вне схем

Нужно всё: и день, и счастье,
ночь, усталость, караоке,
и просроченные сроки,
даже беды (но немного
пусть бывают и не часто),
равнодушно, летом душно,
непослушный пёсик-хаски,
сказки, осень, боль и ласки,
в кабаке шашлык по-хански, —
нужно всё.

И всё – не нужно,
если есть куда и с кем, и
для чего, и есть возможность,
есть – когда друзья в таможне.
И – тогда совсем не сложно
жить, не вписываясь в схемы.

Кружева

А будет нужно ничего
и невсамделишные страсти,
тебе никто не скажет «здрасссте»,
спуская выученных гончих.

Однако же не свирепей, —
мы – конформисты и паттерны⁴
(не хочется не быть, наверно),
так прицепившийся репей

стремится выжить, то есть стать
не кем-то, а самоподобным.
Мой разум как-то так подобран,
что хочет – с чистого листа,

так что к чему переживать,
когда опоры поломали?
И стало так, как было мало,
а всё, что было, – кружева.

⁴ Паттерны – повторяющиеся шаблоны (образцы, регулярности). Элементы паттерна повторяются предсказуемо, имеют математически описываемую структуру.

Тюль

Заскочили купить новый тюль,
по пути был отличнейший кофе, —
за совместную жизнь полностью
нам проставлен серебряный профиль,

и уже без кавычек, заметь,
двадцать пять лет вдвоём много так как.
Вместе – это готовы к зиме,
и к весенним готовы атакам.

Пробки.

Сочность московских огней.

Я тебе, а ты мне точно в пору.

Тюль повесился в спальне в окне
после немногочисленных споров.

Чёрт побери

Сетовать, ныть и скучать,
вечером знать – день прошёл,
помнить о зле и врачах...
чёрт побери, хорошо!

Часто болеть, получать
больно от жизни веслом,
и посылать всё – сплеча!..
чёрт побери, повезло!

Даже когда смысл исчез,
даже себя раздарив,
не понимая зачем,
стоит жить, чёрт побери!

Аве

Замолк сверчок,
наверно, неисправен.
Замком, свечой,
вселенной не доволен,
всё ж говорю людскому поголовью:
– Аве!..

Я видел чёрное
и в рощах белоствольных,
и души белые, измазанные в красном,
и думаю, что это – не напрасно.
Вольно!..

Когда-то защищали честь на шпагах,
верней, своё понятие о чести.
Теперь другая честь.
К плечу «винчестер»,
Шагом!

Мораль надрессирована, как пудель.
Но, тем не менее, живём не хлебом,
и пусть – не все.
И пусть – Бог в нас и не был, —
будет!

От сингулярности процесс не быстрый,
но тащит в будущее, как канатом.
А вот от пустоты спасёт команда:
– Выстрел!

Важнее точка после всех заглавий.
Сверчок сломался, видимо, просрочен.
И в полной тишине я ставлю точку.
Аве.

Вообще-то

Вообще-то, всё было не так.
Вдоль дороги любили жить лисы,
километры летели стремглав.
Вдаль, вдаль, вдаль сумасшедшим Улиссом.

Вообще-то, улитки ползли
в камышах после возле залива,
треск сорок по кустам полулзил,
полурадовал май несолидный.

Вообще-то, сложив жизнь в «потом»,
позабыл, где оставил котомку.
Тишины слушая шепоток,
наблюдал временные потоки,

вообще-то, не зная ведь, как
соотносятся вечность и время.
Там, где нет нас, всего – на века,
там, где мы, время слаще варенья,

потому что всегда его нет.
И молчание громче крещендо.
Всё не так было...
Осатанев,

не смогу сказать – как, вообще-то.

Флуктуации и СМЫСЛ

Потрачу об не на, а вместо,
не извинюсь
это за но.

Звонок.

А подложив свинью
углам и карачун невестам,

жужжали вечным синева
и следствие первопричиной.
Что если связь их нарочито
разрушить, взяв нас не, не вас?

Во флуктуационном мире
порядку быть
возможно не.
Странней
углов живут кубы;
там, знаю я, – бывал с промилле.

Незаменимый

Весна началась за вокзалом, на дальних путях,
там стрелка ломалась морозом ещё аккурат,
картавый смотритель держал на щетинистостях
улыбку и ждал, как откроется старенький тракт.

Егда же открыша одесную марта пути,
прииде великия радости, что теперь
пора, стоит только пора за весну потерять.
Смотритель вкушал лишь возможность – уйти не тот тип.

Масштаб посмеявся над ним, ни во что же вменив,
огромный дух весь уместивши в железность дорог,
вне дальнего, вне невозможных и вне времени,
он был только здесь, словно там – лепый лес за горой.

Он мнити, бо так, будет незаменимым зато
отныне и присно, стараясь весну заманить.
Весна-то пришла.

А смотритель вдруг стал заменим.
И залито небом окрест по апрель золотой.

В спичечном коробке

Не спастись весной от сердцесжатия.
Люди, чтобы (будет нелегко)
вспомнить, как там, в детстве, повышайте
в мае собираемость жуков.

Новенькая зелень в цвет салатový,
сумерки и стайки детворы,
«чёрная дыра» в груди – расплата
за возможность вырасти.

Дворы
суею и визгом насыщаются,
увеличивая пустоту
собственного нынешнего счастья.
В коробке жук.
Кухня. Скрипнул стул.

Не так

Не те, так эти.

И – никто.

И в жожаках артист эстрады.

Испытывается не радость,
а несвобода, что «не то».

Порабощённый, в темноте
квартиры, верил, что – не будет,
под кофе подрезая пудинг.
Нет, кажется, опять – не те.

Не с ними и не с теми.

Но

не сменим голову, снимая
повязку с глаз, не понимая,
что не вокруг – в тебе темно.

Диванчик

Кепку в карман, лезь-ка на броневик,
броневика – символ универсальный.
Если понравилось, сверху кивни.

Только не солоно чаще слезали,
чаще записываются в вожди,
не понимая, что это ошейник.
Это жестокий и сладкий престиж —
лёгкость принятия важных решений.

И, насмотревшись на мелких чинуш
в рангах великих спасителей, смехом
мы ничего не решим...
Покачнувшись,
слово, как пулю, лови грудью.

Эхо —
это последствие. А броневик,
так как блестит, быдлу в кепках заманчив.
Так что за эхо себя и вини.
И свой любимый кургузый диванчик.

Сигарет

Закурите его, полубоги,
ведь иначе никак не начать,
ведь неначатое – только боком
целиком, а даже не часть.

Не бросайте его в пепельнице,
он потухнет под пеплом себя.
Приблизительно так по больницам
у каталок колёса скрипят.

Доведите его до победы
и того, что нельзя отрицать,
хуже брошенным, чем недопетым;
у неначатого нет конца.

Имея право

Не бойся, Родина, я знаю,
ты бросишь, даже не шурша,
но не тобою – не дышать,
а без тебя – никем не занят.

Тебя ругать имею право
и не позволю никому.
Тебя любить – не крест – хомут,
и даже – капельку – бараном.

На старом кресле из ротанга
интеллигентить острякам —
такая русская строка
в отаре.

Отдать

Мир выглядел стеклянным донельзя,
пока ещё прозрачным, не разбитым,
и были направления развиты,
гирляндами на путнике вися.

И спутники, сведённые в ГЛОНАСС,
ему куда-то рекомендовали,
но там, где будет всё, не будет нас,
а следовательно, дороги ввали.

И он решил: какая ерунда,
раз не останется потом того, что
захочется другим назначить прошлым, —
отдать.

Братишка

Это похмелье, братишка, похмелье,
каменный, тусклый, суровый мешок,
здесь улучшение если, то мельком,
и никогда хорошо.

Это наутро, братишка, наутро,
а до утра можно и не дожить;
это – реальность, братишка, – не утка,
и не считаются вниз этажи.

Это не горе, братишка, не горе —
русская и для не русских болезнь;
деньги и удаль уходят рекою,
и не приходят платить за билет.

Разные ритмы одного

Чуть больше поменьше
навратъся в три горла,
тетешкать, понежить
негордую гордость...

Не помню точно, а прихлась мне в пору
прошедшая весна (?). Другое помню:
как мурманским таксистом обяпонен,
как недоделал «самых важных» прорву...

А катится валом
история, угол
последний – вон, справа,
за ним камень, луг и...

С утра в моем любимом парке зябко
и дворники не убирают листья,
и выглядит жизнь неспешаще длительной,
скрипит забор какой-то железякой...

По вотчине бега —
дороге – дорожишь
машинно, но мелко,
и – неосторожно...

И верится, что дело не в помаде,
а в смене темпа и ответных чувствах;
ногою – шарк по листьям, и – лечу и
хочу не быть живущим автоматом.

Категории и Ничьё

Настало.

Всегда настаёт.

А дальше сдаётся наставшее;
уставший шеллак на наташах
и прочее всё – не твоё.

А то, что твоё, это где?

В анфас обращается к ворону
задумчивая Категория —
а вдруг он споёт, вдруг – стратег?

Ушло.

Ведь уходит всегда.

Останется Игг.

Даже Один, но
всё время куда-то уходит,
Слейпнира сменив на седан.

Причём тут ничто ни при чём.

Парчой Категория стелется
вневременная – что ей делается,
когда рассердилось Ничьё?

Предопределённость

Надо бы: три метра потолок,
паркинг, на столицу вид из зала,
загородный дом в штук шесть колонн, —
надо.

Но совсем не обязательно.

Хочется: догнать и преуспеть,
колоколом по небу трезвонить
и официантам тыкать перст.
Хочется всего, а не чего-нибудь.

Можно бы: альфонсом ли, козлом —
тратить жизнь на сотни женщин ажно
или алкогольный мозговзлом, —
можно всё.

Но это всё не важное.

Будет всё равно, как не просил,
и замшелый, треснувший крест-надолб,
и способность злобно не простить
всех подряд за собственное «надо бы».

Новое небо

в две сотых карата обломок таланта
по сопкам горбатым вёз глобус атлантам
топтались могучие выкрутив плечи
сталь туч погремучих на грудь обилечив
обломок убого и как-то так боком
сменил небо им как не поняли толком
но стало легко хоть танцуй хабанеру
вам странно
зато утро новое небо

Флажолеты

Обожгло снежинкой веко
не на миг, а на века,
жизнь кому-то исковеркав.
К главному не привыкать.

К мелочам теплее жаться, —
в них уютнее лежать,
не подсчитывая шансы,
каплям не слетать с ножа.

Но перчаткой – «что же это?» —
неприятное смахнуть;
тонкое, как флажолеты,
не свершится, упорхнув.

Очевидное неочевидное

Не сделать очевидное судьбой,
откладывая, – самое надёжное;
и отвечается «само собой»,
поскольку – дёшево.
Поскольку – выход, пусть с частичкой «не»
с невыраженностью артикуляции.

Что если бы не сдерживать коней,
стреляться, непременно же стреляться?!
Что если не вписаться в поворот,
не сделав из него хоть раз привычное?

Отстреливая на крестах ворон,
Шопена сторож кладбища мурлычил,
он знал, как всё пройдёт собой само,
мог привести практичные примеры.

Но неизменность встреч стены со лбом
квадратными не верно мерить метрами.

В сухом остатке

Имеет смысл считать, что будет лучше,
когда-нибудь. Потом. Совсем иначе.
И если так, то, стало быть, получишь
не пулю, а весенние чинары,

какой-нибудь рассвет оптимистичный
и некоторую несоразмерность
огромности в груди и, что мистично,
секунды жизни, выданной с разменом.

Имеет смысл считать не результаты,
а остающееся без последствий.
Я видел, как снесло потоком талым
немало кажущихся в вечность лестниц.

А пессимизм – вопрос соотношений
удач и неудач в сухом остатке
бессмысленности.

Лучшие решения —
идти, искать и знать, где отоспаться.

В центр

Кривоулком.

Погода сырая.

Уронил в лужу то, что не ценно:
большинство хат, конечно же, с краю,
потому как нет места им в центре.

Но центральные ведь потому что —
если вдруг – первыми расползутся,
то кому, как не нам?

Мокро.

Скушшшно

наблюдать без зубов кремлезубцев.

А ведь и непогода мне шепчет
про жестокую правду ловушки
мерзкой совести.

Следую пешим

в центр в безлюдной тиши кривоулков.

Неуправляемое

«Изменилась жизнь...» Как же, не врите
мне про эту пургу ежевеково
на латыни, фортране, иврите,
нереальность в реальность коверкая,

ведь какие бы ни инстаграммы,
в якобы современной реальности, —
мы такие же. Не эмигранты.
Жизнь течёт, это не управляется.

Китель

Напялю свой парадный китель
с висюльками аж до пупа,
и рожа в зеркале глупа.
А мне налей-ка, Аналитик,
чего-нибудь, чтобы упасть,
и никуда не волоките.

Позвякивают медно цацки,
поблёскивает мой обшлаг,
и чувствуется – по-дурацки,
отвоевался, стал быть, – шланг.
Очередная – в масть – пошла...
В шкаф китель.
Скучный праздник «аццкий».

Точно?

Только кажется, что – помню;
ничего не остаётся.

Солнце, словно зад ньюйоркца,
не разводит антимоний
и на западе садится,
фактом сим напоминая —
памяти, как СМИ внимая,
не придумай детство, лица,

На правдивость не надейся.
Время – не сверхпроводимость,
а скорее – проходимец
«туда» «тама» «нету» «здесь».

Карусель, жонглёров, пони —
помню прочую дешёвку,
но вопрос неразрешённый, —
точно ли, что случилось, помню?

Неявная причина

Поставь хоть в угол на горох,
непослушание – программа;
не стать одной из точек-гранул,
а – вдруг – сподобиться горой.

Присвоено – кому решать.
Но, Боже мой, не в этом право,
а – левым оказаться правым,
когда и если не на шару.

А угол – пусть. Хоть стул поставь.
И можно даже сесть напротив;
горох – ещё дешёвый фортель,
быть левым – вот что неспроста.

Без света

Обожаемая тишина —
это если в наушниках музыка.
И свобода-то чаще нужна
в виде камеры, в камере – узника.

И глаза выключая – вот да,
лучше видно.
А формы округлые
пусть подсветит святая вода
влажно-разнообразными группами.

Исключив, словно Будда, пять чувств,
понимаю, что дело не зряшное:
несвободным, но вольным лечу
неволнующимся потеряшкой.

Долг

Нахлебавшись лаптём
лыковым
щей, с отрыжкой сбрезнул
луковой:
«Всё в России путём,
выкинул
бы я только луну —
гукает».

А похоже, им всё —
ярмарка,
гулким эхо стоит
в головах,
чёс о том и о сём
брякает
неналичием их
голоса.

Неужели опять
русские —
как синоним тупой
гордости?
Журналиги корпят —
грустные:

скажешь правду – пот
лей в остроге.

Упадеш в снега
в рыхлые,
очень хочется от
спрятаться
«нашараша», наград,
косорыловки.
Но ведь пулю в висок
состряпают,

а потом над тобой
радостно
быдло спляшет, споёт.
Хрен бы вам, —
любишь родину – в бой,
в гадостный,
с дураками и со
«скрепами».

Наше

Малахольная баба в час пик материлась
в никуда по традиции русских юродивых,
и не то чтоб она просто так истерила,
и не то чтобы осточертевшая родина.

А толпа, словно камень, её обтекала,
и глаза люди в пол по-совдеповски прятали.
Это, видимо, наше – жить под одеялом,
прятать совесть.
И пусть дураки машут тряпками.

Простая алгебра

И любого когда-нибудь вычеркнут,
без остатка, надежно да столбиком.
У тебя были рюши и выточки,
у меня была ты и только.

Не сложилось стать суммой нам.
Разности
не осталось, какой бы там ни было.
У меня солнце выползло грязное,
у тебя уходить выпало.

Вот всегда бы – по-математически,
баш на баш.
Правда, не удивительно —
у тебя новый бренд в косметичке,
у меня только ты и «живите».

Тишина

Так кто сегодня медиатор?
Как будто за стеной бубнят —
не слышно,
и на вышках
всегда предохранитель снят,
и вертухаи матом
на тех, кто попытался в голос,
пусть глупости несли они.
Судимость
за светимость,
а всё равно народ ленив
и — сонной — волюсь.

Пусть спят

...вид вокруг безобразно уныл
словно необходимость зайти за
угловатая как экспертиза
тень луны

вы давай тут паясничать не
у сначала кончалась техничность
чем-нибудь тяжким и постраничным
так что самое – окоченеть

время вырезать профиль себя
выдать вверх пару верных проклятий
в содержательность даже не глядя
и пусть спят

ты не хапайте мокрой рукой
то что вас раза в три авантажней
даже общее нас бросит даже
за поганый покрой

неизбежность не негоциант
да и вы не веселье расстриги
так зачем цельность с миром кастрировать?
одному гарцевать?

Бейсболка

Старался способ бытия
найти себя в структуре хаоса
и встречным девушкам сиять
бейсболкой с логотипом накосо,

увы, объекты все так как
обычно без запасов времени,
тонка удача – потакать,
а неудача – фишка древняя.

Реальность любит вслед орать
упущенному что-то колкое,
так может быть всегда пора
единым целым стать с бейсболкою.

Горькое

Чувство, вздохнув, распрощалось со ссадиной,
множество кликало блистером,
дабы лечить от искусства глассаду
триангуляцией истины,

блистер при этом в картузе кургузеньком
кхекал, как ограничение
набережной, отчего-то вдруг Фрунзенской;
каждый знал, что был ничейным

и – ни о чём.

Ниочё-то гигантское,
странной, пустой категории.
Каждый не каждый по факту знал: настлано
сложное лишнее горькое.

Нефэнтези

«Потратить си кондомным фузом
в холодный и никчемный звук,
кому-то показать “козу”,
создать-рассечь упорный узел, —

на или в – какая, в сути,
безразница(?), одна фигня;
огня, соперника, коня —
казаковать (не обессудьте).

И так – и так – не слава богу».
На нудном кафеле кафе
выблёвывал свою жизнь эльф,
но отчего казалось – гоблин?

В фан-зоне

В фан-зоне месилово:
пьяное мясо
достигло экстаза
двенадцатисильного.

Не нужно мне логина,
да и пароля
народ видеть в роли
упоротых гоблинов,

и тушат фальшфейеры
в голые торсы
не люди, а просто
дебилы по Фрейду.

Но вот, что не радует:
чуть наотшибе —
другие, – паршивые
им хит-парады —

предел бескультирия,
но в общей массе
они – тоже мясо...
Так кто кого дурит?

ХВАТИТ

Хватит обретаться вымыслами,
хочется в достатке нашенского:
если водку, то анисовую,
и весну – уже шестнадцатого,

оборудовать жизнь пристанями,
защищёнными позициями,
где не требуется принстонское,
чтоб на прошлое дивиться.

Но добраться дебаркадерами
до желанного – несбыточное,
хватит жить о неукраденном
и достаточно – набыченными.

Онтологическая проблема памяти

Всё сразу – жить и помнить – невозможно,
как выйти в море на дырявой лодке,
и, дабы лишних сущностей не множить,
я перестану жить.
И только.

Так лампочка потухнет, тоже – сразу,
чтоб обнаружилась светимость дальних.
И раз уж весь критерий жизни – разум,
то должен быть он родом из сакральных.

Но метафизика мертва без онтологии,
душа детерминирована телом,
а значит помнить всё – вид онкологии,
пожило, поболело, пролетело.

Большой брат

Прогноз совпал на сто процентов,
процентам на прогноз так как
обычно надо потакать;
шёл снег, хиреющий при центре,

гражданский жест патриотично
терпел под транспарантом у
чадящей пробки и тому,
кто ехал, факал неприличным.

Как вообще вопрос прогнозов,
любых, хоть вид на урожай,
не стал главой Упанишад —
не ясно. Снеговые розги

хлестали по фуфлу на флаге,
так и хотелось предсказать:
сто – проголосовавших «за» —
процент не в центре, а на фланге.

Как хачапури по-аджарски,
смотрел яйцом на город глаз
Большого Брата.
Всласть ждёт власть

себе сипатый жест гражданский.

Отказ от прав

Судьба кричала перекрёстком,
поскольку наше дело – выбор.
Живой, но выброшенной рыбой,
под вертолётный мерный стрёкот
цивилизации бороться
за шаг.
Точней, за – сделать – право,
ноглохнуть омутом отравленным.

Уверенность больна циррозом,
обязанность идти – забыта,
и выбор – словно не обязан.
Легка жизнь – подлостью обвязанной,
но настоящая – за битвами.

Сделайте

Заплатайте верами жизнь
в неистовом поле пространства —
не в этом секрет постоянства.
Бог с ним, нетревожно лежи.

Считайте ветрами века,
веками ветра измеряйте,
но выйдет-то всё монорядным,
как и напороочил Оккама.

Взмахните, кроша кулаки,
не шашкой, так правдой хотя бы,
и может какой-то октябрь
не станет для вас никаким.

Перекресток

И убеждался резко, грубо
в несправедливости.
Так что ж?
Остался так же толстокож,
а значит без мечты и друга.

А это стоит ли – менять
обычай из-за обстоятельств?
На Патриарших мы стояли,
«Нет-нет», – он убеждал меня.

Ну что же, выбор сделан.
Пусть.
И огонёк дугою в урну.
Раз не друзья, не стоит – бурно.
И угол Патриарших пуст.

Конечная у тюрьмы

Тюрьма – это город Зеро,
и выход трамвайной табличкой —
петля – донельзя обезличен
отсутствием роз,
присутствием входа, столба
с величественным «нет посадки».
Здесь ходят ветра и осадки,
здесь ноль единицу обул
и без многомудрого лба.

Печенье

Воскресание в ритме аллегро,
солнцем кашлял день, словно аллергик,
а оно совершенно не грело.
Февралело.

Города не казались пустыми —
были, ведь не казаться не стыдно.
Дама в профиль в домашнем текстиле
у окна воскресенья застыла,

так как ей всё прошедшим казалось, —
раскидало одежды по залу,
он ушёл.
И осталась не сладость,
а жалость.

Воскресать – это нужно зачем-то,
а когда – словно из-под мачете,
то к чему?
Чай с миндальным печеньем,
одинокое-вечерним.

Пастор

Не корите гитариста
за серебряную грусть,
ненавидит он игру,
как отлив – пустая пристань.

Пусть.

О стойку обопрись,
взяв лафитничек грамм триста,

ведь достаточно – не слушать,
просто думать о своём.
Тонким блюзом дождь всё льёт,
отменяя правду суши.
Пусть в великом не силён,
но когда бывало лучше?

Тротуаром человеки
направляются отдать
годы, годы за года,
с ветки прыгая на ветку.
Звук дороги «тададам»,
символ счастья – каравелла,

и нечасто – отплываем.
Ни сегодня, ни потом.

Серость, жизнь, бетон, бетон, —
аутично. Крик трамвая
воспроизвести бы ртом,
чтоб – понятно, как бывает.

Гитарист, хорош минором,
всё и так – не рок-н-ролл.
И – лафитничек второй,
многократно больше нормы,
у него такая роль —
жалость водкой кормим, кормим.

А потом, теряя паспорт,
возродиться утром, на...
Черт возьми, эх, ширина
впереди! И не напрасно
серебрила ночь струна,
гитарист – спаситель, пастор.

О повреждённом кластере

Обособлённый от забот,
сознательно старался дворик
остаться в памяти с тобой
и выбитой доской в заборе,

да как-то всех не удержать.
От переполненности места
чел зарабатывает жар,
пытаясь увеличить смету,

и неизобретённый диск
хранения воспоминаний
людей тревожит, как садист.
А дворик чистил утром ранним

по-прежнему свою листву,
старательно не замечая
испорченный дождями стул,
в окне старушек с чаем, чаек,

в нём оставалось всё таким,
каким когда-то.
Только даты
не совпадали. Потолки

повыше разве.

Мозг податлив

и что угодно уместит

в неправду. Даже личный имидж

непринуждённо не простит

чужим, особенно с чужими.

Стареющие толстяки —

обидный бренд, куда уж хуже.

Хотелось как-то не таким.

Что старость (?) – просто жизни ужин.

А после? Убеждённо спят.

И пусть для сна потребен кворум,

я помню стул, старушек, дворик...

Всё помню.

Только не тебя.

Реверберации

И повторяющееся неповторимо,
как если бы не первой зашуршать конфеткой.

Вести огонь по пустоте непримиримо
в сетях реверберационного эффекта
и, тем не менее, всё мимо, мимо, мимо,
а раздражение-то копится.

На звуки

в наушниках, наверно, наложили схиму —
ты ставишь рок, а слышно выстрел из базуки,
а слышно мощный голос, гулкий, словно в шахте,
советующий: видеть солнце между бликов,
любить ежевечерне наблюдать, как сжата
доходными домами вековая липа⁵...

Когда нет старого, и новое – не ново,
что не мешает вкусно жить, в себя не прятаться.
А пустота царила и во время оно,
неповторимое ведь любит повторяться.

⁵ Частая картина в исторических центрах наших городов.

Внутри и снаружи

И что снаружи?

То же, что и
в тебе. Не напрягать мениск,
встав на колени; с широтою,
присущей нам, послать на икс

апологетов самомнений —
развившихся не внутрь попов...
Но отчего-то без сомнений
им верят (Эй, Барбос, апорт!).

И вообще, в картине мира
тьма параллелей: дождь, погост,
и жизнь, промчавшаяся мимо,
пустая... и вопросов горсть.

И вроде бы родилась точка,
но дело в том, — да (!), дело в том, —
когда в стакане плещет сочным,
то и вокруг ништяк потом.

Пещера

Что под землёй, что на земле —
нас никогда не помнят своды,
а мы в отместку, взвод за взводом,
истории сдаёмся в плен,
да не скупясь, себя прощая.
Бумага любит не архив,
а вихрь огня.
Ещё – штрихи,
расставленные без пощады.

Похожая на волшебство,
вдыхает кровь железом бурым,
и остаются пламя – бурным
и закопчённый чем-то свод.

До весны

Туман зефиринкой на шпажке
был подан.
Проданным – ноябрь.
Останкинская – грустной башней
сдьмонебесновских бояр,
и всё – казалось – не – смотрелось.
И чувствовалось – уходить.
Владея видами из кресла,
хотелось – может быть, хоть и...
и – упрощая – быть не проще.
Субъективизм из-за спины
хихикал, как бы между прочим,
меж рёбер, тонко, до весны.

О любителях навешивать ярлыки

Не почему, а для. А липкое во имя
просматривается противно-льстивым фоном.
Пробуй – замедлясь: и встанет солнце-вымя,
благословит дацан приход. У эхнатонов,

пожалуй, тоже был какой-нибудь подлиза,
про царскую пургу велеречиво клоцал
свою пургу. Жлобы. На шпиль, гордясь, нанизал
мой город, лучший гуру, солнце.

Любой из выборов не хуже грязной клетки,
не выбираем мы, не выбирают нас.
И, ерунду споров, смеётся напоследок
жизнь, взятая взаймы, на свет прищуря глаз.

Лузер и мир

Таксист-философ не иссяк,
бьёт пыль войны в переговорных,
а в небо пукают коровы
раскачивающиеся.

Араб шарахнул боевым,
спит дауншифтер на измене,
но большинство-то изменений
непреодолеваемы.

Поюзанный?

Так выпей яд, —
пусть трещ, как женщина без клавиш,
зато от тусклого избавишь
«асудьиктокования».

и не произойдёт бэкап,
а мозг мой и мой мир расчистит
незаморачивающийся
трупоборочный декабрь.

Чай и война

Чай красный, в новостях война,
практически, как тапочки, обычная,
на полке кич устал, глаза набычив,
долбить сознание, видна

работа мысли на стене
какого-то там сайта – нынче стены
ещё непробиваемей. Не с теми
сейчас.

Числа их несть.

Уютненько.

В окне сезон,
не подходящий под обои.
Когда-то явно здесь – обоим,
теперь и теням – не резон.

И что-то тихое бренчал,
как ветер под карнизом, завывая,
он знал про ключ, оставленный ей в вазе.
И – чёрным – стылый красный чай.

Канун свободы

Шалопай-ветроган
выбил стёкла фрамуги,
он был вкусным, упругим, —
невозможно ругать.

Выбил стёкла окну
в скучном доме напротив,
и, похоже, что вроде
там – свободы канун.

Он был вкусным, влетев,
и о большем напомнил:
«А ведь в детстве на пони...»
Серость туч-полотенц

невозможно ругать;
дом напротив, как принцип,
встал, отдав право птицам
с шалопаем играть.

Судьба запевал

Хелло, метро, будь ночью непредвзятым.
Луна мороз сбирала мертво-кучно,
и чувствуешь себя сбежавшим зятем,
бомжом, собакой, гамбургером, скучным,

и надо бы спросить у переходов,
просить ли или нет? Но без однако
они не скажут. Выпив рго и contra,
находишь, что невыбор одинаков,

и в поиске своих-чужих звучаний,
вот сука, своего и не находишь.
Любой в подземке звучней Лучиано,
любой прохожий будет вежлив в кое.

Затем орать, когда метро пустует,
чтоб подати от правды не сбивали.
И околоточный даст вам её – простую:
уничтожают только запевалу.

Не по клеткам

И можно «встать рядом», но только
хрустит под ногами «зачем».
Но есть люди вроде свечей:
стоят, лёд пока не исчез —
уютно поскольку на тонком.

И можно быть «первым и главным»,
но только тебе не нагнись —
ты слишком один, будто скунс.
А впрочем, один хрен всё – гнись,
но выдуманная «во благо».

И можно красиво, но «мелко»,
убористо, грязью трещать
о гибели «русскости», щаж,
при этом себе всё прощать...
Всё можно.
Но как – не по клеткам?..

Незаметности

Когда-то не всё получилось.
И он, существуя безуглым,
раскаяниями сочился,
хотя что возможно безумней.

Чем точечнее, тем короче
собой незаметные судьбы,
а если ещё междустрочен,
то вовсе – не будешь.

Шариком

Хочется что-то железное,
как обещание рыцаря;
кожа с зажившего слезла, но
глубже запрет.
И не скрыться.

Это как сумерки в сумраке —
длительное и безрадостно,
крашеное грубым суриком,
краденое, заграбастано.

Хочется. Но мы отвыкшие.
...под гору, в небушко – «шариком»,
выкидыши, а не выигрыш.
И ничего не решаем.

Искры

Искрился воздух предвечерний.
Хотелось истину открыть,
хотя бы, как в романсе, – вчерне:
с обратной стороны искры.
что там?
Уже ли чёрным-чёрно?
Ответствовала тишина
рачительно-незалечённым,
что и она прав лишена.
Шаги степенно замедлялись
на понимание того,
что ничего не должно – ясным —
в победе городских снегов.

Неговоримое

Когда на напряженный ритм
ложится обликом расслабленным
неговоримое, дари
ты мне его послушать – мало ли...

Не каждому дано сказать,
да и услышать-то – не каждому;
а шум для тех и этих – казнь,
ведь тишину не нужно скрашивать,

пусть затекает под навес
дождевый ритм никем не созданным —
его достаточно на весть.
Огромное устало звёздами.

Мёд и просто так

Было всё ужасно просто так,
как и вообще всё во вселенной,
раздражала спесью красота,
в перспективе вроде веселело.

Распродажа мёда на углу
у метро навязчиво прилипла,
и, не опираясь о перила,
думалось, что демиург был глуп.

День не обязательно, что – днём.
Даже в простотаковости можно
пробовать прошедший год на мёд
разовой, как жизнь, дурацкой ложкой.

«Недо»

Зачем был снег мне в пятничное утро,
не знаю даже, что предполагать;
дорога как обычно пролегла,
но только трудно.

Не пряничной не выглядеть никак,
когда Москве на маковки снег-сахар;
заимствуется ярость росомахи
слегка.

Не я, не ты, никто, но держим невод
надежд и неудач... надеясь, и —
снег помогает тонкость уяснить —
с приставкой «недо».

Что пятница(?) – неделю недожив.
Не хочется не капельку, а очень, —
когда вставать.
Вот бы остаться ночью
и дорожить.

На косе

В заповедной чащобе
воздух просит – остаться,
невозможно с ним драться,
отвечаю: ещё бы.

Паучков в виде тюля
на рога крутят лоси;
море многоголосий
возле моря на дюне.

Близорукостью вытер
горизонт. Пляж скрипучий
к взгляду лентой прикручен...
Но остаться не выйдет.

Мы правы

На беспечной траве обеспечить покой,
а быть может, настоем всё той же травы.
Надмосковный закат был похож на бекон
и слоями, и цветом, и в тартарары.

Не спешите не пить: ни к чему абстинент
не приводит хорошему, так как отказ
всё равно, что расстрел.

Кто сегодня к стене?

Мир не закаменел, это значит – экстаз.

Если в плотность самбуки добавить абсент,
выпить по направлению к смыслу травы,
то придется воспеть. Точка.

Грустный проспект,
сквер, беспечность и факт:
никогда мы правы.

Искать и не терпеть

Уж если быть, то быть везде,
а прочей мелочи не стоит.
И может потому – пустое
терпеть жизнь, если хватит – день.

Уж если здесь, то значит петь,
пусть про себя, но не фальшиво,
ведь для чего-то голос вшили,
и явно, чтобы не терпеть.

Уж если петь, то хоть слепым.
Пусть не у всех есть чёткий месседж,
но главный: мелочь – смысл, уж если
быть.

По старой

По старой немецкой дороге к Балтийску
деревья – последние воины вермахта,
и если бы не, я бы к ним обратился
про – что в глубине разнотравного вермута.

По старой немецкой дороге немало
усталых домов, поворотов извилистых;
залив, проработав подклассом лимана,
на пенсии выглядел очень залиvisto.

По старой немецкой дороге, не дрогнув
ни мыслями, ни освещённостью фарами,
я не попадаю ни в рифму, ни в Гродно,
хотя, если строго, – и не корефаны мы.

По старой немецкой дороге неймётся.
Леса по-сентябрьски грибные и узкие.
И как-то совсем далеко не смеётся
над тем, что наделали в Пруссии русские.

Апертурный угол и свет

На рейсовом автобусе народ
кто чем, поскольку больше нечем;
желание быть где-то там – старо,
и с каждым рейсом мельче, мельче, мельче.

Ужасная привычка привыкать.
Вычёркивая циферки в кроссворде,
вычёркиваем дни, себя, века,
не получая за кроссворд по морде.

Автобус шёл неспешно, как судьба,
и ждали люди в тесной кубатуре.
На встречных курсах шёл ещё.
Бабах!..
И свет сжимает угол апертурный.

Материал

Купол церкви туманом подёрнут,
словно вера потеряна.

Иногда вариантом подъема
может стать и падение.

В сентябре что-то мне позволяет
ненамного расслабиться;
словно крест в небе, я поваляюсь,
далеко и без радости.

Мне отсюда хоть Бог, хоть троллейбус, —
мелко и недостаточно.

Не вперед, так хоть дальше, пусть слепо.
Что билетом посадочным?

Вера – не рассуждать, а спастись.
Но в каком направлении?
Я хотел бы, наверное, зайцем,
так как все – параллельные,

собирая себя по субботам
из кусочков растерянных.
А потом нанести позолоту,
крест ведь тоже – из дерева.

Кино

Когда научатся на камеру
писать, хотя бы черно-белые,
но чувства, что искал Макаренко?
Простые, словно колыбельная,

живые, словно настоящее.
Мы люди, но не любим людное,
цветное, складывая в ящики,
храним его в блокноте с блюдами.

По праздникам, по пьяни, с дырками,
повыцветшее и с помарками,
кому оно, не древнеримское?
По камерам, народ.
По камерам.

Бег умного кролика

Слепота, как награда
за исчитанность. Знаючи,
потеряться обрадуюсь
по-заячьи.

Прямо, прямо по ямам,
пусть на дне факты острые;
охрани меня, пьяного,
я ж Твой отпрыск.

Темнота колоритна,
ярче солнца слепящего.
Наобум покорили мы
настоящее.

Но читай не читай, а
вероятность – не знание.
И о ямах мечтаю я:
«занято».

О месте

Под навесом охранник,
на окне куст герани,
Шпрее в сердце Германии,

спят любовники вместе,
«не прощу» возле мести —
у всего где-то место;

«за» всегда за проёмом.
Только что же орёт мне:
«А ты сам – на своём ли?»

Безголосень

Щипалась осень (верно, перец
не просто так весь – в красно-жёлтом).
Взвесь павшего топтали берцы,
мир выглядел почти сожжённым,
Рим – вечным, небережённым,
война – как главная из специй.

В глазах толпы глаз было мало,
а остальное лишь слезилось
от пыли лжи и ждало маны,
а получало ложь и силос.
Но что особо поразило:
толпа с войною – в пополаме.

Мне было странно, стало – осень.
Немного – жёлто.
Топнут взвесью
в лесу, всхрапнув с надеждой, лоси:
когда пройдут все люди? Весь их,
болезный род.
Вот бы спалось, а?
Не голос страшен, – безголосень.
А почему так – масса версий.

Скорлупки

Что-то крошилось снаружи, царапая кожу
больно. И не рассмотреть – что, глаза ведь закрыты.
«Кто я – пока мне не ясно, поскольку не ожил».
Позже останется место.
И след между рытвин...

Трудно по следу сказать, что за монстр появился,
но, исходя из «размеров», он был всё же монстром.
«Что-то во мне, как трамвай на конечной, провисло».
Выжил бы слон в зоопарке, когда бы не спонсор?

И как всегда, объявляется зверю охота.
Лозунги – это же грязь в белом из краскопульты.
Рытвины скрыты, по следу боится пехота.
Кровь – для эфира.
Властям – золотые скорлупки.

Дольник и дураки

Каждый верит, во что способен.

Неспособные верят больше —

может пошло, но факт.

Не в прошлом —

в настоящем дурак-пособник,

фанатеющий на иконы.

Нет, не злюсь я.

Но злится дольник:

он не любит... ущербных, что ли (?),

больше них помня о Николе

и других, за труды блаженных,

но не верующих при этом

в скудоумие. Не корректны

крестообразные движения.

Дольник требует – врезать матом,

да пронзительно, как свистулькой!

Так на девятерной вистуют.

Только дольник – такая же мантра...

Время-люди

Мне кивнул в коридоре
«человек на секунду»,
а чуть позже повздорил
с «дамой-часом», паскудой,

врал мне «друг на неделю!»
про «врага на полгода»,
и забыл я, что делал
с «первой-вечной любовью»...

Но пройдут «время-люди».
На кого положиться,
ведь однажды не будут
«батя-век» с «мамой-жизнью»?

Посерёдке

Куда-нибудь свернуть, уплыть, уйти...

Вокруг – река.

Хоть жизнь – не нерест рыбы,
но в сущности на выбранном пути
мы то и дело подтверждаем выбор.

Когда застрянешь между берегов,
как безальтернативное в безумце,
то единица жизни – перегон,
и все равно, кто помавает руцёй.

Устав, уста и пустота-«прокруст»...
года не удивляют нояблями,
Когда ломают жизнь, не слышен хруст,
когда ломают жизнь – тишком, не рьяно.

Курс только прямо.
Большинство протоков
непроходимо (правда, проходимцы
найдут контрабандистские. Пардон,
но обмануть – традиция традиций).

Вдоль берегов колонна ноябрей,
фарватер – частный случай перекрёстков...

Достаточно ли будет помереть,
чтоб не остаться в мелком посерёдке?

Самоосознание

Одной души на всех нам потому
отчаяннейшим образом не хватит,
что в одиночестве ей потонуть
придётся без соседей по «палате».

Я тоже бы создал себе других,
по незнакомым городам скитаясь.
Почти родных, пусть их прижать к груди
проблематично, как талиб – китайца.

Ведь всё-таки высокий смысл не в том,
чтоб с родственниками пообниматься
(для демиурга это – моветон),
а – «быть не одному».

Враг при пальпации
диагностируется в друга. Эх,
не может без компании живое...
По сути дела, грех – уже не грех,
когда нет эталона.

Освежёван
и разделён на части, бьётся дух
один во всех, но против каждого в каждом.

Поговорить бы... а несут еду.
И бога одиночеством накажут.

Между рельсами

А закаты из летнего поезда,
как размеры трехсложные,
зачаровывают так, что боязно
стать их вечным заложником.

Будто гномики, дачные домики
под садами пушистыми,
и свистят рельсы голосом тоненьким,
и поля – неушитыми.

И уже все равно – направления:
ехать, ехать – не спрашивать...
Между рельсами всё – параллельными...
или мне только кажется?

Не с трибуны

В кафешке на Невском, в кафешке на Невском
четыре китайца фигачатся в карты,
а мимо гуляют кому играть не с кем,
а я заказал веско кофе по-венски...
Онегинский город в сто тысяч каратов

сияет улыбками, право имея.
Направо река и налево речушка
в граните, и только вода – в переменных,
раскрыв рот, какой-то стоит еремеев,
не в силах иначе раскрыть свои чувства.

Ну да, поражает Пальмира старинным
и видом, и вкусом, и свежим искусством
у памятников продавать мандарины...
и панками, что не согласны с тарифом
и ловких гостей с юга рубят в капусту.

А мне принесли дивно сваренный кофе,
на что среагировали и китайцы
и держат по ветру носы, как морковки,
фигачатся в карты, но как-то фигово,
задумчиво взглядами в кофе кидаясь...

Такая вот странная вышла картина
весьма современного Санкт-Петербурга.
Смотрю и стреляю словами, как в тире,
во всё, что шевелится возле трактира...
Да только нести чушь трибунно не буду.

Страшнее войны

Не эквивалентно тротилу —
страшнее во много раз,
когда за войну простили,
когда кто во что горазд,

трещат о правах проигравших
на фоне чужих побед.
А кто тут в кого перекрашен...
двуличность не смыть в биде.

Надеются: «Вот бы рвануло!»
Но дело именно в том,
что нечему рва...
Крым вернули,
а прочее – моветон?

Женщина и будущее

Когда уходит женщина, она
уходит на работу, как к другому,
и если любишь, будешь вспоминать
лишь этот факт.
И чаек грубый гомон.

Когда уходит женщина совсем,
то незаметно, словно на работу,
с запиской, без истерик и бесед.
И можно не искать в аэропортах.

Когда прощает женщина, её
почувствуешь, как горный воздух – сразу,
и будущему шепчешь: «Настаешь...
причём каким-то светлым и прекрасным».

Когда не любит женщина, не лю...
то женщина ли это?
Чайки мрачно
приравнивают прошлое к нулю,
а будущее – к неудачным.

Проводы

Одуряюще плыл запах дыни,
и пищал полуночный комар,
выдавая «зубные» хиты мне,
у луны августела корма.

Ей, принцессе небес, было душно,
вот и вывесила свой филей...
Умирал август, знойный, опухший,
и ведь некому было жалеть —

все искали сентябрь-потеряшку,
ведь о прошлом реви не реви.
А я рвал от досады тельняшку,
да пищал комар, тенор любви.

Пикник = mc^2

На берегу хранилища воды
в тени состарившейся ивы
мы были на двоих счастливы,
все остальное – дым.

И по прошествии эонов лет
в другой взорвавшейся Вселенной
все повторится. Пусть бесцельно,
ведь что – жизнь (?): маленький памфлет.

Сами

Так как вроде живём только раз,
то и фиг с ним. Сентябрь заторможенно
исполняет на холод приказ
и хорош, как мороженое.

Так как вроде бы не при делах,
не положена доля пиратская.
Осень от сентября родилась,
красота – императорская!

Так как вроде уйдём насовсем —
хлопнуть дверью. Да ручка хреновая —
отрывается. Год, полысев,
сдохнет, споря с хронометрами.

Так как каждый прожитый закат —
это вовсе не номер порядковый,
а единственный, то – т. ч.к.
Дальше сами «дотакивайте».

Дама

Всегда приходила немножечко «до»,
прощалась чуть позже, чем надо.
Вода так корабль, поставленный в док,
надолго оставить не рада.

Не то – паутина; противна, не то —
как только её не костили,
а ей все равно, кем быть, хоть понятой,
(«быть», видите ли, – это стильно).

Ей каждый знаком, как прыжок из окна
знаком с каждым самоубийцей,
как в пряничном доме кирпич – козинак,
но хочется дико упиться.

И если не понял, о ком это я,
то не торопись, мой читатель,
ты вспомнишь о ей, захотев постоять
над бездной, о бездне мечтая.

Шар

Катать в руке гадальный шар,
откладывая бесконечно
решение...

Шаг – скоротечен,
так нечего за нас решать!

Процесс катания – почти
камлание.

В кофейной жиже
всё – ближе.

Всё, конечно, – ближе.

Кидай, открой глаза, прочти,

создай иллюзию того,
что где-то есть судьба, и кто-то
решит. Что есть сверхсила «прото-».

Шанс – оптом шаг для дураков.

Довериться шарам?

Катай,

самостоятельно решая.

Гадание – большая шалость,
не шутящая никогда.

Закругляшки

...нормально» – сбежать на курорт
и жариться, жаря рапанов,
даря дарьям рот прямо в рот.
Нормально. Но, кажется, «пара —

...загар» заработав, назад
вернуться, как будто в неправду,
где каждый такой же – «тарзан»,
но только загар на нём «авто —

...дорожный» просвет у Москвы
не то, что залезть в лес под Пензу,
но только там не с восковым
характером люди, «железно —

...носитель» дырявых носков
любил рассуждать о паркетных
делах, а «тарзан» в поварской
колпак таскал в форме «ракета —

Не звонили

А она обожала его.
Или, может быть, ей так казалось.
И ждала.
И под звук дождевой
ей достаточно было: «Живой...»
Ни к чему был дальнейший анализ.

А ему быть хотелось везде,
но вот там, где она, не хотелось.
Правда, даже гулящей звезде
нужно больше, не только раздеть
тело.

Дождь – важнейший для них парадокс:
кухня, торт с ароматом ванили,
поправляя на свечке не воск,
а судьбу, налила кальвадос.
Не звонили...

Как-то...

Наверное, жить надо так,
как будто бы скоро умрёшь,
как будто назад – никогда,
а день без заката – грабеж.

Наверное...

Наверняка.

Он дверь открывал – с ноги!..

Там лампочки слабый накал,
подъезд, раскрошившийся гипс

ремонта, поддатый сосед,
и нет даты смерти, котам
раздолье.

Забыл он, что сед.

Наверное, надо не так.

Скрип

«Та-да-дах...», – лист железа на крыше
говорил с неподатливым ветром
о своей многотрудности метров
и о том, что не платят за вредность,
и что в марте с крыш яростно брызжет.

Ветер даже не слушал железку,
пожелтлые души врачую,
удивляясь тяжёлой причуде,
грубой, косноязычной ворчунье.
И поскрипывала жизнь тележным.

Родственник

Сентябрь закрипел коленями,
опять не вовремя разбуженный
закончившимся коллегами.

Асфальт не мыт, земля без ужина, —
всё как-то оказалось брошено...

«Сдается лето с недоделками» —
размазал дождь листочек крошечный,
смыв с тумбы и основу клейкую.

Уходит всё.

Но к остающимся
приходит остальное...

Родственник

всклоченным спросонок чудищем
ругает лето, вставши осенью.

Horror

Если некуда вам,
если незачем мне,
время блюзу давать,
как бармену, монет —
пусть нальёт рома в грусть,
а в закат ре-минор,
гитаристу – не труд.
Вечер в стиле «horror»
развивается по
направлению к
веку, где Эдгар По
видел наверняка
прототипы новелл.

Заскучавший маньяк
в сердце мне повелел
вам купить арманьяк.
Бада-бум, бада-бум!
Предвкушение ли...
В жизни много табу,
но не стоит юлить
с блюзом: он достаёт
до глубинных причин,
где моё – не моё

а мы оба – ничьи...

Правда в том, что сейчас
отзвучит бэк-вокал,
мы продолжим молчать,
и не будет никак...

Фундамент

Когда-то здесь явно стояла постройка,
кафе не кафе – сохранился фундамент.
И рядом дорога.
Все мимо – годами.
И мне тоже – мимо.
Без слёз, без восторга.

Подобных мест множество вдоль каждой трассы,
и запоминать их – лишь зря тратить память,
но если таким душу проконопатить,
то в ней сохранишь дольше лирику, страсти

и прочая, прочая, что человека
непрочно, но от нелюдей отличает.
Изломанный столик, кашпо с молочаем...
«Мы движемся, лишь что-нибудь искалечив»,

закон не закон – что-то в нём от природы.
Стою, докурив, ворошу туфлей куклу.
Скажите, у вас бы свело тоже скулы?
И если да, то мы единой породы.

Снаряды

Сегодня, в октябрь, народу изрядно,
различной породы, и может быть даже
нас больше, чем сделано было снарядов,
чтоб нас уничтожить.

Но росту продажи

способствует не масса электората,
а рост производства снарядов. Клепают,
чтоб выжить, смерть, жизнь называя проклятой,
забывши, что смерть, словно пуля – слепая.

Нет, я не за то, чтоб искать справедливость
(такую пургу не создал демиург), но
хотелось бы, чтобы возможность продлили
шептаться ночами и нежности муркать,

и по петербургам страдать в амстердамах,
и не находить даже дома покоя...

Ведь жизнь – не бессмысленный путь растаманов,
и не всё равно, кем ты будешь закопан.

Не просто так

Нас обстоятельства часто принудят,
только мы не выполняем уроки.
Слышу, как в раковине, фразы рокот:
«Было непросто, и проще не будет».

Поезд приходит, уходит, а после
некоторым всё ещё не понятно.
Но пусть они на себя и пеняют...
Проще – не надо, была бы в том польза.

Возлюбить врага

Враги, как водится, кишат.
Отдать бы им колючий свитер...
мы разучились ненавидеть
открыто, не исподтишка.

Марш миллионов, прочий фарс
не демонстрируют святую
злость на врага, а лишь свистульку
и ультразвуковое «фас!».

Игра с врагами – не игра,
а способ жизни, верный способ
узнать, кем ты друзьям стал после,
благодаря своим врагам.

Похолодало

Похолодало окончательно.
И дело вовсе, дело вовсе
не в декабре и том, что носят, —
мы стали старше, жёстче, тщательней.

Простительное непростительно
растаяло, как карамелька
в ладошке детства. Помним – мельком
и вре́м, что вкусное – растительно.

Во многих вижу понимание:
похолодало где-то глубже,
и не спасут весною лужи...
Есть что-то здесь паранормальное.

Из-под полы

Твой богатый, но внутренний мир
вряд ли нужен кому-то ещё.
Может, лучше его – на ремни?
Их хоть можно продать под расчёт.

Продаёт человек пожилой
кучу ярких ремней в метро. Всё...
На изнанке у правды не ложь,
а такая же правда.
Усёк?

Эпизод на улице

Отряхивая снег с дублёнки,
смешной аутентичный снег,
задумался мужчина сед:
«Вот бы вот так же – убелённость...»,

но убеждённый в пустоте
надежд на лучшее, потрусил
в метро.

«Эх, все мужчины – трусы!..», —
подумала та, кто не с тем.

Руки

В соседней маленькой вселенной,
совсем немного исполинской,
мужчина морем просолился
стихи писал всегда Селене,

ещё творил там что-то как-то...
А в мире вечно параллельном
его (заждавшись) королева
на трассе ставила докатку.

И, предназначены друг другу,
они не встретились ни разу.
Но вот не понимает разум,
как их – во сне – встречались руки.

Прощать

Иногда удивительно даже, как можно устать:
ничего не хотеть, голова непременно пуста,
у неё – обнаруживающийся признак родства

с абсолютно излишним предметом. Но всё-таки в нём
не могу не сдавать для Москвы часть пространства внаём,
и, конечно же, музыку Вагнера упомянем.

Прорываясь домой сквозь метро и минорный час пик,
на арендную плату пытаюсь желаний купить,
наблюдая, как город отчаянно ими кипит,

ведь желания – не пакетированный пыльный чай
(пусть невкусный, зато не потребуется звать врача),
а любое «хочу» – это свет и начало начал.

Вот и еду.

И жду, что предложит в конце мне туннель.
Но отсюда всё кажется, что жду уже тонну лет,
и сменяется день ночью, за тенью – лишь полутень,

и не видится света, как кто-то давно обещал.
Дальше – станция где-то. И рынок «хочу» обнищал,
и единственное, что осталось здесь – навык прощать.

До и пусть

У Него, наверно, дела,
раз в природе разлилась грусть
и немножечко – снег.

Ну, пусть.

Лишь бы что-то пошло на лад

в канцелярии высших сфер.
А пока только грусть и снег.
И оттачивать глупо гнев,
лучше – шею поглубже в фетр

и идти, и дышать, дышать,
привечая приход зимы,
примечая любую мысль,
ведь потом не простит душа

что какую-то не сберёт,
а быть может спасение
в ней, единственной, верной, есть...

И, как время, вперёд, вперёд
надо жить.

Под ногами хруст:

то ли годы, а то ли лёд.

Если ждёшь, на «до» поделён
и не тёплое слово «пусть».

Штабные войны

Если воюют, пусть лучше на картах,
это для мира почти незаметно,
пусть отрабатывают многократно
«формализованные документы»,

пусть замордуют друг друга тревогой
в лучших канонах военных традиций.
Пусть посмеются над всем друг и враг.

Жаль только, что карта нам пригодится.

История и сатори

Век двадцать первый.

Ночь.

Первая четверть.

Четверть истории, только начало.

Поговорив тихо о главном вчерне,
мы молчали.

Есть у начала нередкое свойство
не начинаться.

Похоже, наш случай.

Мимо шуршало минутное войско
в битву с часами.

Всё лучше и лучше
мне становилось понятно: историй
брошенных, но настоящих, не мало.

Так, вероятно, приходит сатори,
всё предыдущее перемальвая.

Вдруг обнаружив себя посредине
между сейчас и потом и за дверью,
рад, что не прерван, хотя и сердитый,
век двадцать первый.

Неизбежность

Если вам кажется, что неизбежное —
это и вовсе не ваша история,
то не надейтесь спокойно, неспешно
существовать.

Неизбежность, без «сорри»,
просто однажды ворвётся, играючи
переломав жизнь, как домик из кубиков.

Помнишь, что небо кричало по-чаячьи,
и ты на будущее смотрел букой,
было не грустно: смертельно,
отчаянно,
и ощущение, что жизнь закончилась?
И сигареты тушил слишком тщательно,
не замечая, что длинные очень.

Мы заморачиваемся причинами,
если построенное громко рухнуло.
Дело бессмысленное.
Не починишь.
И, успокоившись в водке и рунах,

кубок за кубком, возраст за возрастом,
снова, – нелепо, как по-муравьиному.

Так – многократно.
Как злобная свора,
лезут причины, итогом бравируя...

Бросишь курить.
Ерунда вроде, в сущности.
И не скажу, сколько раз выйдешь пешком
против причинок, навстречу несущихся.
А что в итоге?
Ну да, неизбежность.

Время воскрешать

Февраль.

Зима в своих правах.

Как человеческая подлость.

Была душа.

Осталась полость.

а поиски добра бесплодны,

ведь не сезон.

И бьёт по вам

из всевозможных подлецов
крупнокалиберная мелочь,
и защищаться стало нечем,
как снегу – время – почернелым
потом пройти в конце концов.

Пройти любой беде, так как
год набирает обороты.

Однажды вспомнить обормотов
не сможешь, – некогда: работа,
семья, с приятелем стакан.

И вот очередной февраль
напомнит прошлые обузы,
смешнее битвы карапузов

теперь...

И ветер, как Карузо,
способен ноты те же брать.

И там, где, помнится, душа
сбежала, ненавидя шабаш
(ведь подлость – это форма штамма), —
жизнь титанических масштабов.

И время что-то воскрешать.

Холодно

Не чувствуя себя здоровым,
губить начало у начал.
Грублю.
Молчалось.
Палачам
не важно, кто стал нынче вдовым.

Вот так и выглядит весна:
больной, обидчивой, жестокой.
Бич февралей – тепло настолько,
насколько будешь тёплым сам.

А если режешь на корню
проросшие, как лук, идеи,
сколупывая в прошлом тени,
то болен, ясно и коню,

и прежде чем пойти домой,
где примут и поймут – любого,
спокойно расстреляю бога,
расстрельный лист сложив в комод.

Сто тысяч до и после

Когда-то, только не скажу когда,
здесь был песок, и вкрадчивые сосны
шуршали сонно, и река не грозно
любила волнами на пляж кидать.

Теперь здесь набережная, гранит
(ну или, может, подешевле камень).
Но, знаете, ещё сто тысяч канет,
и – в тех же соснах город хоронить.

Ну а пока (мне хочется «пока»
сказать не потому, что не банально)
Москва-река,
деревья в платьях бальных,
апрель и непонятное кап-кап.

Не меньше, чем тогда – дышать, дышать,
не меньше, чем сейчас, просторным небо,
и быстро поглощаются монеты
в излучине песком в окатышах.

Бросая с пешеходного моста
то мелочь, то слова – чуть покрупнее,
я наблюдаю то круги, то пену,

в зависимости от – что там достал.

И радуется любой из них эффект,
тем самым подтверждая философски,
что разница отсутствует: отцовство
и там и там одно стоит в графе.

Есть подозрение, что этот факт
распространяется вплоть до Адама.
А значит все мы – мелочь. И подавно
всё – пена.
«Дата» – с прочерком графа.

Не щенячье

«Пока-пока».

Чуть дёрнулась щека.

Подпрыгнула игла на грампластинке.

А что любовь? Беспомощней щенка.

Прощающиеся, проститесь.

Встречающиеся, для вас одних

по принципу перрона – шумным – завтра.

Оставшиеся – мелкий расходник,

и заменяются легко, с азартом.

«Привет-привет» не факт, что прозвучит,
пластинку зачастую заедает.

А брошенные – стало быть ничьи.

Они ведь, как щенки.

И даты.

В нашей власти

Заканчивать достанется не нам.
Муть тусклых ламп, невытые тарелки
и беспросветность – часто вместе. Редко,
когда ты веришь, как иллюминат⁶,
в величие идеи.
Это крест —
стараться, не дождавшись результатов.
Но так в бою сражаются солдаты —
за веру.
А без веры хоть расстрел.

Сыр на разделочной доске, вино, —
очередной боец фронтов идейных
стакан от беспросветности наденет,
а утром в бой.
Сюжет, увы, не нов.

Ночь – непреодолимый карантин.
Не выжившие – просто остаются
на подоконнике окурком в блюде,
поскольку в нашей власти – прекратить.

⁶ *Иллюминаты – «просвещённые», тайное общество оккультно-философского толка.*

Классификация

В столице звёзд полно.

Не настоящих.

А настоящие – вверху – не видны.

Всё как всегда: что ближе, то и ярче,

всё как всегда: виновные невинны,

невинные трусливы и виновны.

Но даже в долгих тучах есть просветы,

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.